

И. Н. ИОНОВ

КОРРЕКЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО РЕЖИМА И ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИСТОРИИ. СТАТЬЯ 2¹

В статье проблемы исторического сознания и исторического знания Нового времени рассматриваются в контексте теории «процесса цивилизации» Н. Элиаса и его последователей. Для ее интерпретации привлекаются идеи дискурсивной гегемонии (Э. Лаклау и Ш. Муфф), культурного трансфера (М. Эспань), «двойного послания» (Г. Бейтсон). Показано, как дискурсивная гегемония связана с темпоральной, использующей представления о времени как «пустые означающие». В ходе процесса цивилизации формируется не только новый темпоральный режим, но и ряд локальных образов времени, которые выстраиваются в темпоральную иерархию. На основе этой иерархии создается идеология темпоральной сегрегации, воплощенной во внешней и особенно в колониальной политике Запада. Анализируются психологические феномены, связанные с темпоральной гегемонией: когнитивные искажения историцизма и «двойные послания» пограничным цивилизациям. Показана их роль в формировании внутри гегемонического дискурса явлений контргегемонии и псевдогегем.

Ключевые слова: процесс цивилизации, темпоральный режим, гегемония, контргегемония, псевдогегемония, пустое означающее, культурный трансфер, двойное послание, когнитивное искажение

Для того, чтобы понять, как идеи фигуративной социологии могут повлиять на восприятие представлений А. Ассман о коррекции темпорального режима и трактовку связанных с ней проблем теории истории в России, надо сделать отступление и вернуться к анализу некоторых слабо разработанных идей Н. Элиаса и его последователей, заметных только в трансдисциплинарном контексте, на стыке с идеями политологов (Э. Лаклау, Ш. Муфф, В. Морозов), историков (М. Эспань), антропологов и психологов (Г. Бейтсон, О. Маннони, А. Маслоу) и др. Надо также хотя бы пунктирно проследить исторические проявления описанных ими тенденций в высокое Новое время, по крайней мере с XVIII в. Это поможет уточнить как место Германии, так и место России в анализируемых Ассман явлениях, углубить оценку современных процессов в историческом сознании и историческом знании.

Цивилизация, гегемония и темпоральная сегрегация

В отличие от теории А. Ассман, рассматривающей проблему темпорального режима иверсалистском ключе и уделяющей основное внимание явлению исторической *ответственности*, Н. Элиас затрагивал вопрос о социально-психологической *обусловленности* агрессии в истории на сословном и локальном уровнях. В концепции «процесса цивили-

¹ Продолжение. Начало см.: Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 17-33.

лизации» он охарактеризовал ситуацию создания и распространения новых норм поведения как конфликтную, порождающую агрессию и создавшую основу для разделения групп населения на цивилизованные и «варварские», современные и отсталые. Он показал, что понятие «цивилизация» изначально, с XVIII в. было манипулятивным и позволяло придворному дворянству Запада поддерживать дистанцию по отношению к богатым буржуа (кредиторам двора) как невежам, в результате чего дворянский истеблишмент всегда имел основания критиковать, дискриминировать и изолировать их как аутсайдеров за «вульгарность». Для этого образ истеблишмента формировался на основе лучших примеров поведения его лучших представителей, а образ аутсайдеров – на худших примерах поведения худших представителей. Это отношение сохранялось между истеблишментом и аутсайдерами самого разного уровня по мере распространения в XIX–XX вв. норм цивилизованного поведения на все более широкие слои населения Запада, а затем незападных стран и колоний. «Цивилизованность выступает как дающее превосходство отличие людей Запада... <над> прочими группами, рассматриваемыми как низшие и колонизируемые по праву “сильного”», – писал Элиас².

Поэтому трансляцию цивилизованных норм поведения нельзя рассматривать универсалистски, а распространяемые в ее ходе представления о темпоральных режимах и режимах историчности (футуристские, презентистские) как единственно важные для своей эпохи. Мы наблюдаем здесь не столько культурный трансфер как взаимный обмен знаниями и компетенциями (так его описывал Эспань³), сколько проявление культурной гегемонии определенных социальных групп. Инструментарий для анализа подобной гегемонии как системы коммуникации создала Эссекская школа дискурс-анализа, в частности политологи Лаклау и Муфф, использовавшие неограмшианский подход. Их идеи применительно к истории России развивает тартусский политолог В.Е. Морозов⁴. Вслед за М. Фуко они считают, что отношения власти насквозь пронизывают общество и коммуникацию. В центре внимания – как и у Эспаня, процесс конструирования идентичностей в трансграничной ситуации, роль конфликта и заимствований, а также “конституирующего Иного”⁵. Но если для Эспаня культурные границы вторичны, а потому прозрачны, то Лаклау постулирует жесткость и исключительность границ как пределов системы сигнификации, где происходит ее разрыв или распад. «Нейтральная граница представляла бы, в сущности, единое целое с тем, что находится по обе ее стороны, и эти две стороны были бы

² Элиас 2001. Т. 1. С. 120, 125, 129, 134–135; Т. 2. С. 184–195, 215–216, 260, 271, 300, 302, 306–314. Цит. на с. 260; Elias, Scotson 1994.

³ Эспань 2018.

⁴ Laclau, Mouffe 2001; Морозов 2009; Morozov 2015.

⁵ Эспань 2018. С. 35, 42, 43–44, 74.

просто различными по отношению друг к другу». Это не была бы граница системы. Поэтому «истинные границы всегда антагонистичны». Это не мешает им быть дислоцированными (смещаемыми), основанными на компромиссе различия и эквивалентности, так как процесс создания идентичности никогда не завершается⁶. На таких границах происходит важный процесс: «генерация пустых означающих, означающих без означаемого», являющихся инструментом гегемонии (примеры: понятия «Новое время», «современный» или «цивилизация», смысл которых можно менять в широких пределах). «Генерирование пустых означающих и установление отношений эквивалентности между этими означающими и той или иной частной идентичностью в силовом поле конституирующего антагонизма как раз и составляет сущность операции гегемонии». Это «неизбежно приводит к исключению тех идентичностей, которые противоречат данному частному варианту порядка, к вытеснению их за пределы сообщества, установлению отношений эквивалентности между ними и внешним миром анархии и чистой угрозы»⁷.

Именно такую роль играет понятие «цивилизация». «“Цивилизация” принадлежит к семейству понятий, – писал Ж. Старобинский – исходя из которых может быть назван противоположный член оппозиции, понятий, которые, собственно, и рождаются на свет, чтобы образовывать оппозиции»⁸. Понятия «цивилизация», «Новое время», «современный» семантически всегда указывают на другие, сниженные в иерархии ценностей «пустые означающие», свои антонимы – понятия «варварство» или «дикость», «средневековый» и «отсталый»⁹. В рамках европоцентристской идеологии конструируются антонимические пары «варварство–цивилизация», которые можно рассматривать как бинарные оппозиции (в философском смысле), которые эссенциализируют и абсолютизируют различия между цивилизованными странами Запада и «варварскими народами Азии»¹⁰. Эти оппозиции сосуществуют в качестве фигуры и фона историко-географического гештальта (ментальной карты). Они структурируют пространство детерминистской философии истории и создают возможность манипуляций с целью установить доминирование своей страны в картине мировой истории, принизить ее конкурентов и особенно народы колоний («колониальная асимметрия»)¹¹.

Темпоральная форма рассуждений идеальна для установления гегемонии, создания иерархических картин мира. Ведь время, особенно понятия «прошлое» и «будущее», как они реифицированно трактуются

⁶ Цит. по: Морозов 2009. С. 22, 121-122.

⁷ Там же. С. 125, 171, 297, 309, 311 и др.

⁸ Старобинский 2002. С. 118, 143, 144, 149.

⁹ Boletsi 2013.

¹⁰ Старобинский 2002. С. 130.

¹¹ Säävälä 2009. P. 134.

в эпоху Модерна – идеальные «пустые означающие». Они легко образуют метафоры, позволяющие переопределять смысл настоящего при помощи его альтернативной перспективизации (контекстуализации). Так можно выстраивать одновременные явления в псевдодновременной ряд (прогрессивный, современный, архаичный), определять их потенциал (развитый, примитивный, застойный, пережиточный), осуществлять включение и исключение (актуального и неактуального); разделять идентичности на позитивные и негативные (исторический и неисторический, инновационный и тупиковый). Это порождает когнитивные искажения, так как временной связкой легко подменить причинно-следственную или даже необходимую связь (историческая неизбежность, историческая вероятность, чистая случайность). К. Поппер уподоблял историцизм теории заговора: «вере во всемогущество силы, находящейся за кулисами исторической сцены»¹². На основе историцистской версии идеала цивилизации создается воображаемая история, продуцирующая темпоральную иерархию, которая противопоставляет одни метафоры, характеризующие способ перспективизации, направление и темп движения времени, другим. Инструментом оценки тех или иных образов времени служило их соотнесение с идеалом цивилизации. Антонимические ряды, образуемые понятием «цивилизация» (цивилизация – варварство – дикость), пересекались с синонимическими рядами, образующую ценностную горизонталь: цивилизация – прогресс, будущее, исторические народы; дикость – отсталость, прошлое, неисторические народы и т.п. В XIX–XX вв. темпоральные и цивилизационные представления взаимно реифицировали друг друга, создавая базу для весьма убедительных просвещенческих, романтических, позитивистских, марксистских исторических нарративов. Историческая наука развивается в Новое время не только как знание о прошлом, а как наука, конструирующая разнообразные модели времени и их сложные сочетания¹³.

Множественные модели прошлого, формирующиеся внутри единого темпорального режима, были лабильными, удобными для переосмысления места субъекта гегемонии внутри Запада. «Нет необходимости проследить отдельные различия между Сен-Симоном, Контом, Джоном Стюартом Миллем, Гербертом Спенсером... – писал в 1922 г. Э. Трельч о создателях позитивистской теории цивилизации XIX в. и открытых ими «законах истории» – «они» всегда заключают в себе идеалы Французской революции или английского джентльмена, американской демократии...»¹⁴. Необходимо признать, что для своего времени это был шаг вперед в изменении повестки дня конкретно-исторических ис-

¹² Поппер 1992. С. 440.

¹³ Савельева, Полетаев 1997.

¹⁴ Трельч 1994. С. 124.

следований, двигавшихся от политической и событийной истории к истории общества и культуры. Исторические модели создавались как эффективные познавательные инструменты и одновременно как средства борьбы, аргументы в политических и идеологических спорах.

Проект Нового времени, тесно связанный с идеями цивилизации и прогресса, изначально имел гегемонический характер, был создан для того, чтобы порождать и воспроизводить темпоральные границы, так как был основан на реифицированных представлениях о прошлом, настоящем и будущем, продуцировал идею преодоления прошлого, необратимого и закономерного вытеснения прошлого настоящим и будущим, что обозначало границу между положительно маркированным будущим и отрицательно маркированным прошлым. Для Нового времени характерно «физикалистское и объективистское (впоследствии мифологизированное) представление о стреле времени как необратимого линейного вектора.., <а> постоянно обновляющийся хиатус (разрыв) на переломах времени представляет важнейшую примету идеи прогресса»¹⁵.

При помощи подобных конструктов происходит превращение идеальных дискурсивных границ между прошлым и будущим в реальные политические и административные границы. В рамках идеологии ориентализма, как показал Э. Саид, средствами поэтики пространства и времени обозначаются границы Запада как мира прогресса, представляющего собой настоящее и будущее человечества и Востока как пространства колониальной экспансии, представляющего собой прошлое человечества. Они произвольны и взламывают границы самоидентификации местного населения во имя утверждения позитивной идентичности колонизатора¹⁶. Темпоральные границы проводятся и в локальном масштабе, при разделении колониальных и полуколониальных городов на западный сеттлмент и гетто для туземцев, при разделении территорий городов метрополии на аристократический центр и рабочие окраины.

Политико-административная сегрегация приобретала в темпоральном режиме Нового времени научное обоснование: в гетто и сеттлменте, трущобах и дворцах время течет в разных формах (доисторической и исторической, прошлого и настоящего), разных направлениях и разным темпом. Они представляют собой не просто разные пространства, но разные темпоральные сущности. Настоящее и особенно будущее, следуя этой логике, надо защищать от заразы прошлого, от людей доисторической эпохи, внезапно оказавшихся живыми, т.е. от толп зомби, живых мертвецов, пытающихся это будущее украсть. Поэтому так важно для цивилизованных людей XIX – начала XX в. проводить политику «социальной гигиены». Между цивилизованным пространством и

¹⁵ Ассман 2017. С. 19, 109-112.

¹⁶ Саид 2006. С. 87, 213.

пространством варварства и дикости, воплощающим силы хаоса, «анархии и чистой угрозы», необходимо установить границу, предотвращая диалог между ними, тем более – обоюдный культурный трансфер (как его описал Эспань), который может заразить цивилизованную часть общества дикостью аборигенов или рабочих. «Сакральность цивилизации представлена как находящаяся *под угрозой*... Варварство заключено в... бунте “грубой черни”... “дикий мир”... кроется среди наших стен и готов вырваться из мрачных глубин общества, – описывал эту темпоральную политику Ж. Старобинский, – ...угроза порой принимает социальный облик “опасных классов”, пролетариата, этих “апачей” и “могижан”...ответные меры... заключались в реакции”, то есть в защите священных ценностей христианской цивилизации всеми возможными средствами – ограждением, охраной порядка, воспитанием и пропагандой»¹⁷.

Именно тогда, а не сейчас «порвалась связь времен», о которой вопрошает А. Ассман. И не просто порвалась. Ее обрывки были намеренно разбросаны подальше, между ними были выстроены преграды, которые неизменно восстанавливались всю эпоху высокого Нового времени, до тех пор, пока не началась последовательная деконструкция гегемонического темпорального режима. Такое восприятие мира подразумевает темпоральную политику (как аспект культурной политики), внимательное отношение к состоянию темпоральных границ, их защиту, их реконструкцию в ходе борьбы за гегемонию, возведение санитарного кордона как политического производного темпоральной сегрегации, а также развитие «процесса цивилизации» среди населения нецивилизованных и получивилизованных стран, обитателей колоний и разного рода гетто. Процедура распространения цивилизации должна проводиться параллельно с предотвращением обоюдного культурного трансфера, чреватого заражением, метисацией и зомбированием представителей цивилизации, под защитой церкви, полиции и карательных войск.

Универсальность, сциентистский и объективистский характер темпоральных схем высокого Нового времени обманчивы¹⁸. Они отражают не столько научный, сколько их гегемонический характер. Универсализм, сциентизм и объективизм потенциальны, связаны с утопическими надеждами на всесторонний прогресс, тотальную рационализацию поведения людей и с шаткими претензиями первооткрывателя на истинность полученных знаний. В них выражается прежде всего позитивная самоидентификация, самолюбование, познавательная гордыня Запада и их национальные производные, позволявшие реифицировать те или иные формы прошлого и будущего и, несмотря на смену темпоральных режимов, рассматривать их из одной локальной перспективы, обеспечиваю-

¹⁷ Старобинский 2002. С. 134.

¹⁸ Об этом см. также: Ионов 2007а; 2008; 2010.

щей дискурсивную гегемонию. Эту особенность отметили еще русские критики европоцентризма в середине XIX в., отмечая обусловленность европейской науки и ее несостоятельность вне пределов Запада, а также постколониальные критики западного сциентизма в начале XXI в.¹⁹

Поэтому реализовать характерную для современной науки задачу получения возможно полного знания о прошлом при помощи «насыщенного описания», смены познавательных перспектив и теоретических предпосылок в ходе одного исследования, как этого требует перекрестная история, можно только вне гегемонического дискурса, а значит вне темпорального дискурса высокого Нового времени²⁰.

Последовательная критика гегемонических конструкций стала возможной лишь к середине XX в. С этого времени схемы истории ассоциируются философами и психологами с *когнитивными искажениями*, порожденными психическими травмами, комплексами неполноценности и зависимости, не в последнюю очередь связанными с «процессом цивилизации». Поппер считал появление историцистских схем следствием травм людей, «достоинство которых унижено», с «ранее испытанными обидами или нервным потрясением, вызвавшими страх и стремление к надежности и определенности», а также с возникшими на этой основе догматической установкой и «бесконтрольным желанием навязывать регулярности»²¹. У. Маслоу возводил такие проявления к тревожности и эгоцентрическим схемам мира невротиков, которым присущ «страх незнания», и которые «только по видимости ищут знания, потому что реальность, переставшая быть опасной, перестает быть для них интересной»²². Психолог О. Маннони первым обозначил точку соприкосновения этих теорий и теории «процесса цивилизации» Элиаса. За двадцать лет работы во французских колониях в первой половине XX в. он выявил у колонизаторов агрессивный («сверхкомпенсированный») комплекс неполноценности. Такой комплекс европейцев можно соотнести с их подчиненными отношениями с родителями (с «предательством родителей»), которое вытекало из цивилизационных представлений последних²³. Нормативная практика дистанцирования взрослых от детей в викторианскую эпоху определялась бинарными оппозициями культуры и природы, цивилизации и «варварства», причем дети рассматривались в рамках этих оппозиций как элемент хаоса, подлежащий дистанцированию и манипулятивному культуртрегерству со стороны родителей, опосредованному услугами кормилиц, воспитателей и учителей²⁴.

¹⁹ Герцен 1958. С. 277, 279; Castro-Gómez 2007. P. 428-448.

²⁰ Вернер, Циммерманн 2007.

²¹ Поппер 1992. С. 321; Поппер 2004. С. 88-89, 600, 620-621.

²² Maslow 1966. С. 22-24.

²³ Mannoni 1956. P. 62, 127, 190.

²⁴ Старобинский 2002. С. 125.

Не случайно, что познавательные последствия трансфера понятия «цивилизация» и создания на его основе темпоральной гегемонии Европы в мире, создавшей иллюзию универсального значения принятых на Западе темпоральных образов, сейчас рассматриваются специалистами по истории исторического знания и цивилизационных представлений как резко негативные²⁵. С XVIII, но особенно в XIX и первой половине XX в. понятия «цивилизация» и «прогресс» стали использоваться для дистанцирования и сегрегации образа Европы от образов неевропейских и особенно колонизованных народов, которые рассматривались как анахронизм, лишенное истории *живое прошлое*, что позволяло не включать их в состав всеобщей истории и выгеснять их образы за границы эмпатии и морали, игнорируя их человеческий статус²⁶.

Формы темпоральной дискриминации

Ментальная карта Земли в условиях Нового времени оказалась разделенной. Ее регионы иерархически подразделены согласно отношению к доминирующему (прогрессистскому) темпоральному режиму и ценностно не равны, так что универсальные принципы реализуются в них по-разному. Она расчленена на хронотопы, территориальные границы которых более или менее произвольно определяются носителем гегемонии как более или менее соответствующие историческому идеалу (границы цивилизации Запада, деспотического и застойного Востока и неисторических народов). Внутри этих границ время течет не одинаково, поэтому каждый темпоральный режим имеет разные территориальные проекции, обозначаемые ментальными картами течения времени в локальном хронотопе. Футуризм и прогресс объявлялись в XIX в. универсальным идеалом, но наряду с ним история Просвещения и Романтизма рисует области Земли с застойной политической историей на Востоке или природно-циклическим течением времени на Юге. На основе таких пространственно-временных ментальных карт создаются причинно-следственные и детерминистские картины истории.

Детерминизм играл ключевую роль в механизме разворачивания гегемонического дискурса о времени, позитивной самоидентификации Запада и деформации универсалистского характера футуристского темпорального режима. Он перекидывал мостик от культурной гегемонии к колониализму и, по видимости воплощая просвещенческие идеалы свободы и гуманизма, на деле противостоял им. Кондорсе (1794), пытаясь предвидеть влияние просвещения на население Востока и Юга, предупреждал «великодушных освободителей», что они могут встретить как «народы, которые, по-видимому, ждут того, чтобы мы их *цивилизovali*», так и жертв деспотизма или просто дикарей. Прогресс в каждом

²⁵ Osterhammel 2000. S. 81-84, 133, 206, 238.

²⁶ Ионов 2014.

из хронотопов имеет свою цену. «Прогресс народов этих двух последних категорий будет более медленным, будет сопровождаться большими бурями; может быть даже, что, *все более уменьшаясь численно по мере наступления цивилизованных наций, они в конце концов незаметно исчезнут или растворятся в среде последних*». Идеал Просвещения, даже очищенный от колониализма, рабства и своекорыстия, не столько свободно распространяется, сколько целенаправленно *вытесняет* варварство и дикость, порой вместе с их носителями. Разделяются страны, где прогресс органичен и означает возвышение духа, смягчение нравов и улучшение жизни, и другие – где он неорганичен и предполагает ту или иную форму геноцида. Такова цена «момента, когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми»²⁷.

Об этом же через 30–35 лет прямо говорил Гегель, для которого «незрелость» некоторых культур означает их обреченность. При этом важную роль приобретает бинарная оппозиция «природа–культура» и критика «естественного состояния» с точки зрения идеи прогресса. Для народов Мексики и Перу свойственна «совершенно натуральная» культура, т.е. время природных циклов, которое должно исчезнуть под давлением прогресса и духа свободы. По этой же причине «едва европейцы прибыли в Америку, туземцы стали мало-помалу гибнуть от дуновения европейской деятельности». Природный хронотоп вытесняется прогрессивным темпоральным режимом, воплощенным в этой деятельности. Порабощение негров, в гегелевском контексте, «способствовало развитию гуманности», так как вовлекало их в культурный хронотоп, воплощающий прогрессивное содержание темпорального режима. В зону, «лежащую за пределами истории», попадали и народы Сибири²⁸. Задача распространения цивилизации, по Гегелю, настолько важна, что организует вокруг себя иную темпоральность, представляет собой «истину момента» и подчиняет все другие силы, в т.ч. мораль, а потому она оправдана полностью, во всех своих дискриминационных формах, «включая все то в ней, что кажется “варварским” нравственному сознанию»²⁹.

Универсальное представление о времени и истории для Гегеля не противоречит, а предполагает отсутствие единого глобального хронотопа, наличие противоречий между пространством и временем, что означало, в частности, несравнимость культурных достижений различных народов, таких как древнеиндийские и древнегреческие эпосы. Они принадлежат разным хронотопам. Если разум «направлен единственно на сознание понятия свободы и его выражения в индивидуумах», то сходство уровня творческой силы, живости образов, красоты

²⁷ Цит. по: Старобинский 2002. С. 129-130.

²⁸ Гегель 1935. С. 77-78, 93-94.

²⁹ Старобинский 2002. С. 142-143.

изложения, эстетической формы «Бхагавадгиты» и «Илиады» лишается значения. Сегрегацию оправдывает введение в исторический дискурс изолированных метафорических представлений. Маркируя исключения из нормативной модели истории, существующие в противоречии с доминирующим темпоральным режимом, а значит и историей как целым, Гегель вводит для характеристики некоторых хронотопов понятие «неисторическая история». Оно применяется, например, к Китаю, где история сводится к политическим циклам, «не обнаруживая никакого прогресса». К подобным исключениям из темпорального режима причисляются и славяне, которые «до сих пор не выступали как самостоятельный момент в ряду обнаружения разума в мире»³⁰.

Не менее важной привилегией гегемонического дискурса было размещение наций, регионов, классов на границах цивилизации и «варварства». Им приписывали противоречивую идентичность, что давало возможность манипулировать их образами, повышая свою самоидентификацию вопреки всему (в частности, военным поражениям). Пограничные общества оказывались внутренне разделенными между современностью и древностью. Типичным проявлением пограничной цивилизации была Россия. В Петербурге и Москве европейцы, преодолевая границу цивилизации, как бы выпадали из своего времени в парадоксальный хронотоп, «представляющий одновременно... различные века». Образы людей в нем были не стабильны, а как бы осциллировали: трудно было понять, «где кончается современный русский и начинается древний московит». Пространственная граница между Россией и Европой была переопределялась каждым наблюдателем (вплоть до радикальных утверждений о том, что «за Вислой начинается Сибирь»)³¹. Но она была не единственной. Внутри Россия разделялась на более мелкие хронотопы, характеризовавшиеся разным уровнем цивилизации и «современности»: прослеживались различия между царским двором, светом и рядовым дворянством, дворянами и крестьянами, жителями столиц и провинции, бедными и богатыми, русскими и этническими меньшинствами³².

Ответственность за противоречивость самоидентификации, вторичный и показательный характер российской цивилизации XIX в. всецело возлагалась на русских. А. де Кюстин в 1839 г. обнаружил в России *две страны*, «две противоборствующие нации»: «Россию как она есть и... существующую лишь на словах... Россию, какой ее желают представить перед Европой». Эта «вторая» страна порождена *зависимым сознанием* «нескольких самых влиятельных родов», которых «преследует призрак... злочестного мнения Европы», из-за чего «цивилизация сводится

³⁰ Гегель 1935. С. 67, 100-101, 330.

³¹ Кюстин 2008. С. 159.

³² Вульф 2003. С. 35, 47, 57, 60, 62, 77.

для них к какому-то более или менее ловко исполненному фокусу». Россия – двуличная «страна мнимостей, где все вызывает недоверие», страна-оборотень, страна лицемеров, в которой «внешняя цивилизованность направлена на то, чтобы тщательно скрыть варварство и тем самым продлить его». Раздвоение и тем самым — расщепление России начал Петр I, навязавший ей обязанность «обезьяничать, копируя европейскую цивилизацию», а продолжила Екатерина II, принудившая Россию «выглядеть пристойно... во мнении» Запада³³. На этом основании делались странные заявления, отрицавшие право русских самим бороться за изменение идентичности, подражая европейцам, двигаться из прошлого в настоящее, от застоя к прогрессу. Гегемонический дискурс проявлялся в отказе любой другой культуре в самоидентификации, в самостоятельном движении в будущее. Европа маркировалась как единственная легитимная «машина времени» для всего мира. Поэтому Кюстин делает эпохальное заявление, которое, как отмечал Л. Вульф, надолго определило отношение к России на Западе: «“Я не виню русских в том, что они таковы, каковы они есть, я осуждаю в них притязания казаться такими же, как мы”. Он ссылаясь на Дидро и Вольтера, ставя проблему пограничного состояния людей, которые “разучились жить как дикари, но не научились жить как существа цивилизованные”»³⁴.

Пограничность не просто констатировалась, но ставилась в вину как попытка узурпации гегемонии цивилизованной Европы. Россия была для западных соседей анахронизмом, темпоральной ловушкой, обманом присосавшейся к современному миру, строившей из себя его подобие, а на деле жившей в иной темпоральной реальности. Не случайно Кюстин сожалел, что у «этих дикарей есть огнестрельное оружие» и требовал Россию «уничтожить и пересоздать заново»³⁵. Фактически Россия получила от Кюстина двойное, внутренне противоречивое предписание: она должна стать цивилизованной под влиянием Запада, но она не должна пытаться стать цивилизованной, уподобляясь Западу, в показной, а значит ложной форме. Тем самым гегемония распространялась им не только на определение цивилизации и «варварства», современности и «древности», но и на определение легитимного способа перехода к цивилизации, к нормативному для Запада темпоральному режиму.

В итоге трансфер идей прогрессизма и цивилизации в Россию оказался противоречивым. Из-за его гегемонического контекста он во многом негативно нагружен эмоционально, а коммуникация России и Европы неразрывно связана с отчуждением. Если коммуникация Европы и колониальных стран, а также познание истории последних (в т.ч. исто-

³³ Кюстин 2008. С. 159-161, 219-220, 259, 303, 307.

³⁴ Вульф 2003. С. 527-536.

³⁵ Кюстин 2008, с. 253, 260, 304-306.

рии их отношений) рисовались как по определению односторонние (субалтерн не имел права голоса)³⁶, в данном случае ситуация была гораздо сложнее, но не менее патогенной. Фон восприятия Европы в России, в т.ч. темпоральных представлений и эпистемологии всеобщей истории, был изменчив, эмоционально нагружен, неразрывно связан с идеологическими предпочтениями и проблемами идентичности. Он трансформировался от восхищения и подражания, как у западников, до фрустрации и агрессии, как у националистов, что в обоих случаях разрушало обоюдность коммуникации с Западом и культурный трансфер, как его понимает М. Эспань. В области исторической памяти и мемориальной политики возникла тяга к созданию метафорических альтернативных историй в широком диапазоне от «политики самоутверждения» до «политики покаяния». Формировался замкнутый круг, превращающий коммуникативную систему в фабрику когнитивных искажений³⁷.

Природу и последствия такой формы коммуникации позволяет оценить концепция «двойного послания» (*double bind*) Г. Бейтсона, который связывал невротизацию поведения детей с хроническими противоречиями между предписаниями родителей и категорическим запретом обсуждать контекст этих противоречий. Политологи применяют эту концепцию для анализа коммуникативных истоков политической гегемонии³⁸. Такие послания, став нормой, систематически отстаиваемой значимыми для субъекта фигурами, закрепляют у субъектов коммуникации неспособность нормально взаимодействовать. Возникает трансконтекстуальный синдром, мешающий правильно определять контекст сообщения, «последовательная дискредитация» сообщений как «не представляющих ценности», взаимоисключающие оценки сообщений и запрет на их обсуждение. В результате в процессе коммуникации субъекты не сближаются, а отстраняются и маскируются друг от друга, описывают реальность не прямо, а при помощи скрытых метафор, ставят под сомнение наличие стабильных отношений между собой, обращаются в описании истории отношений к конспирологии и теориям заговора, пытаются «исказить или скрыть любую пространственно-временную привязку»³⁹.

В рамках цивилизационных и темпоральных представлений, которые европейцы транслировали в Россию, сочетались несочетаемые контексты и оценки ее населения и культуры, как их обозначают Г. Бейтсон и М. Болетси. Русские одновременно соответствовали концептуализируемому (известному) и неконцептуализируемому (варварство – мир непонятного), воспринимаемому в модусе реальности и модусе воображе-

³⁶ Спивак 2001.

³⁷ Бейтсон 2000. С. 237, 240; Ионов 2015. С. 112-117, 142.

³⁸ Поцелуев 2008.

³⁹ Бейтсон 2000. С. 232-233, 240, 260-261, 299; Ионов 2015. С. 111-117.

ния (метафоры), имели место в политической истории (как исторический народ) и не имели места в истории разума (как неисторический народ), отвечали позитивному стандарту (цивилизация) и негативному стандарту (мнимая цивилизация, варварство и прямая дикость), были пригодны для общения (как современники) и непригодны для общения (как пережитки прошлого)⁴⁰. Это типичный трансконтекстуальный синдром, сопровождающий «двойное послание», необходимые составляющие которого, как уже было сказано, «разрыв в ткани контекстуальной структуры сообщений», «последовательная дискредитация» сообщений как «не представляющих ценности», взаимоисключающие внушения (оценки) и запрет на их обсуждение⁴¹.

Следствием подобного рода коммуникации было сопротивление большой группы стран, оказавшихся в межеумочном положении на дрейфующих границах цивилизации и современности. Политика темпоральной сегрегации оказывалась направленной против местного истеблишмента, который в стремлении восстановить позитивную самоидентификацию постепенно проникался ненавистью к глобальному истеблишменту. Для таких ситуаций характерна инверсия от первоначального стремления стать цивилизованными, заимствуя достижения Запада – к сопротивлению западным идеалам, в т.ч. вооруженному, что вело порой к мировым войнам, и некоторые из них обозначались как «войны за цивилизацию» (Первая мировая война с французской стороны именовалась *«la guerre pour la civilisation»*, а с немецкой – *«Kulturkrieg»*)⁴². Вообще история Германии типична в этом отношении.

Германия: рождение и тупик контргегемонии

Цивилизационный статус Германии в XVIII–XX вв. был выше статуса России. Тем не менее, в 1740 г. Э. де Мовийон находил немецкий язык «грубым и варварским», а цивилизацию заемной, так как немецкие поэты по большей части переводили английских, французских и итальянских. Это мнение в 1780 г. поддерживал прусский король Фридрих II, который, по словам Элиаса, в угоду вкусам «хорошего общества» Европы, т.е. глобального истеблишмента того времени, называл немецкий язык «полуварварским», а в пьесах находил «варварские неправильности». Правда, Фридрих, в отличие от иностранцев, связывал это не с природой немецкой культуры, а со случайными обстоятельствами истории, которые поможет преодолеть подъем благосостояния страны. Однако это не отменяло темпорального дистанцирования современной ему культуры Германии от французских идеалов⁴³.

⁴⁰ Boletsi 2013. P. 4.

⁴¹ Бейтсон 2000. С. 232-233, 240, 261, 299.

⁴² Ионов 2007⁶. С. 298.

⁴³ Элиас 2001. Т. 1. С. 66-70.

Становление национального сознания и позитивной самоидентификации потребовало от немецкой буржуазии дистанцирования от культурной гегемонии Франции и создания в рамках гегемонического дискурса системы *контргегемонии*. С ней связано, как указывал Элиас, переосмысление понятий «культура» и «цивилизация», им придавали «специфически немецкие черты и направленность», при помощи которых стремились обеспечить дискурсивную гегемонию Германии⁴⁴. Это не укладывается в представления о франко-германском культурном трансфере, как его видит Эспань, отрицающий роль Парижа как культурного центра и гегемона на том основании, что это «глубоко чуждо философскому принципу Просвещения», и настаивающий на обоюдном характере трансфера как системы экспорта-импорта культуры⁴⁵. Однако слова Элиаса раскрывают истоки описанной, но не объясненной Эспанем «враждебности» немецкой историографии к французской культуре и причин того, почему немцы оценивали французские сенсуалистские корни понятия *Bildung* как запретные для осознания и буквально «нечистые»⁴⁶. Элиас прямо писал, что понятие «“Культура” служила для самоутверждения Германии и выражения ее противопоставления западным странам, выступавшим под флагом “цивилизации”». В философии истории К. Германна (1870) обнаруживалось противопоставление Франции как страны поверхностной и материальной цивилизации и Германии как страны духовного и эмоционального просвещения (*Bildung*)⁴⁷.

Но, в полном соответствии с представлениями Бейтсона, в контексте патогенной коммуникации, развивавшейся под влиянием гегемонического дискурса, подобное «самоуправство» было воспринято негативно, как признак нецивилизованности самих немцев. После Первой мировой войны новые «двойные послания» еще более невротизировали немецкое население. Бейтсон указывал, что в результате Версальского мира и Парижской мирной конференции Германия получила от победителей «двойное послание»: предписание идеального справедливого мира (В. Вильсон) и предписание реального грабительского мира (Ф. Фош). «Это было одно из величайших предательств в истории нашей цивилизации. Это поразительное событие прямо вело ко Второй мировой войне. – писал Бейтсон, – Но, возможно, гораздо более интересен тот факт, что оно вело к тотальной деморализации германской политики... после такого обращения деморализации нации следовало ожидать»⁴⁸.

Подобная ситуация непосредственно связана с вопросом о соотношении универсальных принципов (на которые напирает Эспань) и их

⁴⁴ Там же. С. 71.

⁴⁵ Эспань 2018. С. 40-41, 231, 379, 678, 695.

⁴⁶ Там же. С. 90, 285, 370.

⁴⁷ Элиас 2001. Т. 1. С. 90.

⁴⁸ Бейтсон 2000. С. 438.

локальных воплощений для пограничных народов. Политолог С.П. Поцелуев отмечает, что после Первой мировой войны имела место целая серия «двойных посланий»: Германию приглашали присоединиться к универсальным принципам (право наций на самоопределение), которые не распространялись на Германию. Одна карта послевоенных границ стран Восточной Европы постоянно заменялась на другую, трактовка договора как мирного – его интерпретацией как перемирия. «Германия, загнанная в тупик парадоксального побуждения к действию, не могла выбирать между миром и войной, ибо никакая из этих альтернатив фактически (в рамках Версальской системы) не допускалась. Германии как бы говорили: “Следуй миру, который... приглашает к новой войне”». К тому же, «Веймарской республике грозило наказание как в случае послушного, так и в случае строптивного поведения. И у нее не было возможности высказаться на каком-то равноправном для нее международном форуме по поводу противоречивой и несправедливой политики со стороны держав-победительниц... Имел место один из существенных элементов *double bind*, а именно – запрет на осознание (артикуляцию) содержащейся в нем противоречивости»⁴⁹.

Побежденные немцы лишались права на позитивную самооценку. Психолог Э. Эриксон отмечал, что «поражение Германии и Версальский договор вылились в широко распространенную травмирующую утрату идентичности». Был выбран путь «негативной конверсии» идентичности, нарочитой демонстрации свойств, которые считались на Западе «варварскими». Это был переход от *контргегемонии*, претендовавшей на более высокий нравственный уровень и победу в диалоге – к *псевдогегемонии*, разрывавшей с нравственностью и сосредоточенной на силе. В итоге страна оказалась «под предводительством банды подростков-переростков криминального склада». Немцы, ранее чувствительные к критике иностранцев, разорвали не только с западной идеей цивилизации, но и с немецким контргегемоническим идеалом *Kultur*⁵⁰.

Немецкий агрессивный комплекс неполноценности проявился в невротическом стремлении к господству и контролю, в расизме и антисемитизме как сверхкомпенсации чувства личной неполноценности, в магическом восприятии мира, производном от чувства незащищенности, как у описанных О. Маннони французских колонизаторов⁵¹. Арийский исторический миф был призван переместить границу гегемонии, дискредитировать как сомнительные и бесперспективные достижения западного общества⁵².

⁴⁹ Поцелуев 2008. С. 18-19.

⁵⁰ Эриксон 1996. С. 121, 202, 326.

⁵¹ Ср.: Mannoni 1956. P. 105, 118-121, 127-128, 148, 167.

⁵² Эриксон называл это «псевдологическим извращением истории»: 1996. С. 327.

Непоследовательный универсализм обернулся своим отрицанием.

Какова логика возникновения контргегемонии и псевдогегемонии. Каково их воздействие на историческую картину мира и историческое знание, как возможно деконструировать гегемонический дискурс и каково в этом процессе желание историка – на эти вопросы я постараюсь ответить в последней статье этой серии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Пер. Б. Хлебникова. М.: НЛЮ, 2017. 272 с. [Assman A. Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna / Per. B. Hlebnikova. M.: NLO, 2017. 272 s.]
- Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д.Я. Федотова, М.П. Папуша. М.: Смысл, 2000. 476 с. [Bateson G. Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psihiatrii i epistemologii / Per. s angl. D.Ya. Fedotova, M.P. Papusha. M.: Smysl, 2000. 476 s.]
- Вернер М., Циммерманн Б. После компаратива: histoire croisée и вызов рефлексивности // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 59–90 [Werner M., Zimmermann B. Posle komparativa: histoire croisée i vyzov refleksivnosti // Ab Imperio. 2007. № 2. S. 59–90.]
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2003. 560 с. [Wolf L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu. Karta sivilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya / Per. s angl. M.: NLO, 2003. 560 s.]
- Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Соч. в 18 т. Т. 8 / Пер. А.М. Водена. М.: Гос. Соц.-экон. изд-во, 1935. 470 с. [Hegel G.V.F. Filosofiya istorii // Gegel' G.V.F. Soch. v 18 t. T. 8 / Per. s nem. A.M. Vodena. M.: Gos. soc.-ekon. izd-vo, 1935. 470 s.]
- Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Герцен А.И. Соч. в 9 т. Т. 7. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1958. С. 263–308 [Gercen A.I. Russkie nemcy i nemeckie russkie // Gercen A.I. Soch. v 9 t. T. 7. M.: Gos. Izd-vo hudozh. literatury, 1958. S. 263–308]
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Ст. 4 // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 123–140 [Ionov I.N. Global'naya istoriya i izuchenie proshlogo Rossii. St. 4 // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2014. № 6. S. 123–140]
- Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2015. 464 с. [Mirovaya istoriya v global'nyj vek: Novoe istoricheskoe soznanie / Otv. red. L.P. Repina. M.: Akvilon, 2015. 464 s.]
- Ионов И.Н. Образы пространства и времени в имперском/колониальном и постколониальном дискурсах // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., Кругъ, 2008. С. 337–370 [Образы prostranstva i vremeni v imperskom/kolonial'nom i postkolonial'nom diskursah // Dialogi so vremenem. Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoj. M., Krug", 2008. S. 337–370]
- Ионов И.Н. Стратегии деисторизации // Образы времени и исторические представления. Россия–Восток–Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2010. С. 48–65. [Ionov I.N. Strategii deistorizacii // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya. Rossiya-Vostok-Zapad / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug, 2010. S. 48–65.]
- Ионов И.Н. Феномен мультитемпоральности // Время–История–Память. Историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007а. С. 14–37 [Ionov I.N. Fenomen multitemporal'nosti // Vremya–Istoriya–Pamyat'. Istoricheskoe soznanie v prostranstve kul'tury / Pod red. L.P. Repinoj. M.: IVI RAN, 2007^a. S. 14–37]
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Наука, 2007^b. 499 с. [Ionov I.N. Civilizacionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodejstviya / Otv. red. L.P. Repina. M.: Nauka, 2007^b. 499 s.]
- Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2 т. Т.1. СПб.: Крива, 2008. 704 с. [Custine A de. Rossiya v 1839 godu. V 2 t. T.1. SPb.: Kriga, 2008. 704 s.]

- Морозов В.Е. Россия и другие. Идентичность и границы политического сообщества. М.: НЛО, 2009. 656 с. [Morozov V.E. Rossiya i drugie. Identichnost' i granicy politicheskogo soobshchestva. M.: NLO, 2009. 656 s.]
- Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. 528 с. [Popper K.R. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 t. T. 2. M.: Feniks, Kul'turnaya initsiativa, 1992. 528 s.]
- Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: АСТ; Ермак, 2004. 638 с. [Popper K.R. Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya. M.: АСТ; Ermak, 2004. 638 s.]
- Поцелуев С.П. *Double Binds* или Двойные ловушки политической коммуникации // Полис. Политические исследования. 2008. №1. С. 8-32 [Poceluev S.P. Double Binds ili Dvojnye lovushki politicheskoy kommunikacii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2008. №1. S. 8-32]
- Савельева И.М., Поletaев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с. [Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Istoriya i vremya. V poiskah utrachennogo. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1997. 800 s.]
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говоруна. СПб.: Русский Мир, 2006. 638 с. [Said E.V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka / Per. s angl. A.V. Govoruna. SPb.: Russkij mir, 2006. 638 s.]
- Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. В 2 ч. Ч. 2. СПб.: Алетейя; Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 2001. С. 649-670 [Spivak G.CH. Mogut li ugnennyye govorit' // Vvedenie v gendernyye issledovaniya / Pod red. S.V. Zherebkina. V 2 ch. Ch. 2. SPb.: Aletejya; Har'kov: Har'kovskij centr gendernyh issledovaniy, 2001. S. 649-670]
- Трельч Э. Историзм и его проблемы / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 719 с. [Troelch E. Istorizm i ego problemy / Per. s nem. M.: YUrist, 1994. 719 s.]
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. М.: СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. 332 с.; т. 2. 382 с. [Elias N. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya. V 2 t. M.: SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. T. 1. 332 s.; t. 2. 382 s.]
- Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис / Пер. с англ. А.В. Толстых. М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. 352 с. [Erikson E. Identichnost': YUnost' i krizis / Per. s angl. A.V. Tolstyh. M.: Flinta, MPSI, Progress, 2006. 352 s.]
- Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с франц. Под ред. Е.Е. Дмитриевой. М.: НЛО, 2018. 816 с. [Espagne M. Istoriya civilizacii kak kul'turnyj transfer / Per. s franc. Pod red. E.E. Dmitrievoj. M.: NLO, 2018. 816 s.]
- Boletsi M. Barbarism and its Discontents. Stanford: Stanford University Press, 2013. 328 p.
- Castro-Gómez S. The Missing Chapter of Empire: Postmodern Reorganization of Coloniality and Post-Fordist Capitalism // Cultural Studies. Vol. 21. №2-3. March/May 2007. P. 428-448.
- Elias N., Scotson J.L. The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry Into Community Problems Theory, Culture & Society. L.: Sage 1994.
- Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. L., N.Y.: Verso, 2001. 198 p.
- Mannoni O. Prospero and Caliban. The Psychology of Colonization. L.: Methuen, 1956. 218 p.
- Maslow A. The Psychology of Science. A Reconnaissance. N.Y.; L.: Harper & Row, 1966. 186 с.
- Morozov V.E. Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 209 p.
- Osterhammel J. Geschichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. 384 S.
- Säävälä M. Occidentalism and Asian Middle-Class Identities: Notes on Birthday Cakes in an Indian Context // Identity in Crossroad Civilisations: Ethnicity, Nationalism and Globalism in Asia / Ed. by E. Kolig a.o. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. P. 133-146.

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; ch@igh.ras.ru

Correction of the temporal regime and problems of the theory of history. Part 2

The article deals with the problems of historical consciousness and historical knowledge of Modernity in the context of the theory of «the process of civilization» by N. Elias and his followers. To interpret it, the ideas of discursive hegemony by E. Laclau and Ch. Mouffe, cultural transfer by M. Espagne, double bind by G. Bateson are also involved. It is shown that discursive hegemony is related to a temporal hegemony, which uses notions of time as «empty signifiers». During the process of civilization not only a new temporal regime, but also a number of local images of time are formed, and the temporal hierarchy is built. On the basis of this hierarchy the ideology of temporal segregation is created, embodied in foreign and especially in the colonial policy of the West. It determines the boundaries of Metropolitan areas and colonial world, settlements and ghetto, malls and outskirts of cities, and also the policy of social hygiene. Psychological phenomena related to temporal hegemony are analyzed: cognitive biases of historicism and double binds in the communication of world establishment and border civilizations. Their role in the formation of phenomena of counter-hegemony and pseudo-hegemony within the hegemonic discourse is shown.

Keywords: process of civilization, temporal regime, hegemony, counter-hegemony, pseudo-hegemony, empty signifier, cultural transfer, double bind, cognitive bias

Igor Ionov, Ph.D. in History, senior research fellow, Department of Historical and Theoretical Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; cih@igh.ras.ru